

УДК 101.1:316
ББК 87.6

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ МНОГООБРАЗИЕ ЮЖНОРОССИЙСКОГО РЕГИОНА: ФАКТОР РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИЛИ СДЕРЖИВАНИЯ ГЕНДЕРНЫХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ¹

Виноградова Надежда Леонидовна

Доцент, профессор кафедры философии,
Волгоградский государственный технический университет
philos@vstu.ru
просп. Ленина, 28, 400005 г. Волгоград, Российская Федерация

Леонтьева Елена Юрьевна

Профессор, заведующая кафедрой философии,
Волгоградский государственный технический университет
philos@vstu.ru
просп. Ленина, 28, 400005 г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье обоснована гипотеза корреляции между формированием гендера и нации, образующих единую этногендерную композицию, которая в конкретных ситуациях экономического, политического и социокультурного контекстов создает определенный этногендерный режим. Последний устанавливает границы и возможности допустимых гендерных репрезентаций. Анализу подвергаются этногендерные режимы больших и малых наций и народностей. Для титульной нации южнороссийского региона характерен либеральный этногендерный режим, формирующий лояльность к проявлениям гендерных репрезентаций. Вся совокупность населяющих юг России малых этносов и народов поддерживает традиционалистский этногендерный режим, стремящийся наложить вето на гендерные репрезентации. Рассматриваются этногендерные режимы на трех уровнях: семьи, региона и социальных групп и делается вывод о возможности распространения и сдерживания гендерных репрезентаций в южнороссийском регионе.

Ключевые слова: гендер, репрезентация, этнокультурное многообразие, этногендерный режим, идентичность, южнороссийский регион, народность.

XIX–XX вв. прошли под знаком гендерной эмансипации, происходящей одновременно с эмансипацией национальной, что сопровождалось распадом империй и формированием либерализма и национальных государств. Почему такие два казалось бы разных процесса, гендерной и национальной эмансипации, совпали по времени, и как они влияют друг на друга? Исследовательница взаимодействия

гендера и нации Н. Юваль-Девис пишет, что «конструирование нации обычно привлекает специфические представления о “мужском” и “женском”» [6, р. 11]. Взаимовлияние гендера и нации, по нашему мнению, можно обозначить как **этногендерную композицию**, которая представляет собой систему взаимодействия между конструктами нации и пола в публичной и приватной сферах. Реализуемая

в конкретных социальных, исторических и геополитических условиях этногендерная композиция создает определенный **этногендерный режим**, различный для малых и больших этнонациональных групп.

Мы не ставим своей задачей рассмотреть данные процессы в масштабах мирового пространства и становления общепланетарной системы социальных отношений. Взаимовлияние гендерного и национального дискурсов, специфические этногендерные композиции и этногендерные режимы будут рассмотрены в контексте национального и культурного многообразия южнороссийского региона.

Этнокультурное многообразие давно и прочно стало международным имиджем России, весомым компонентом мирового духовного наследия. В речи, посвященной Дню России, президент В.В. Путин данный факт отметил следующим образом: «Получилось так, что по воле судьбы, Всевышнего, в силу сложения огромного количества исторических обстоятельств на огромной территории, но на единой территории, под одним небом живут представители самых разных этносов, культур, религий – в то же время, несмотря на всю свою самобытность, ощущают себя единым народом и единой нацией» [3, с. 38]. Исходя из данных федеральной целевой программы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 гг.)» в России проживают представители 193 народов со своей самобытной культурой и национальными особенностями, «обладая при этом этнической (русской) и религиозной (православной) доминантами» [2].

Юг России один из самых многонациональных регионов, на его территории проживает примерно 100 различных наций, народностей и этнических групп [2]. Очевидно, что каждая этнонациональная общность обладает собственной культурной самобытностью, традициями, исконными укладами и обрядами, национальным языком и особенностями социально-исторического прошлого.

Как и на всей территории России, численное преобладание имеет русский этнос и православная конфессия. Регион всегда был достаточно сложным и требовал взвешенной государственной национальной политики, но в период 90-х гг. проявились несбалансирован-

ные, спонтанные тенденции к межнациональной дифференциации, этнотерриториальному обособлению, этнической, религиозной и социокультурной нетерпимости. Одним из значительных факторов подобной ситуации явилась утрата советской идентичности. Потерянная идентичность должна восполняться, и ее место стали занимать радикальные формы региональной, этнической, религиозной или гендерной идентичности.

Обозначились два разнонаправленных процесса: с одной стороны, утрата общей идентификационной основы (гражданской идентичности) и соответственно формирование локальных, конкурирующих идентичностей, на основании которых вырастает межэтническая нетерпимость, сепаратизм разных видов и форм; с другой стороны, потеря гражданской идентичности приводит к размыванию идентичности вообще, проявляется тенденция культурного, национально-этнического, гендерного нигилизма.

В этнокультурной сфере Юга России на сегодняшний момент присутствуют две тенденции. Одна основана на жесткой дифференциации и приоритете однозначной идентификационной основы, другая имеет в основании унификацию и нивелирование идентичности как на уровне отдельных личностей, так и социальных групп. В регионе сложились два несовпадающих вектора трансформационных процессов: условно называемых «русская» и «национальная». Первая составляющая региона развивается в сторону формирования унификации идентификационных установок и соответствует этногендерной композиции либеральной направленности. Вторая «национальная» составляющая, где имеет место консервативное отношение к традиционным ценностям и моделям социального взаимодействия, соответствует этногендерной композиции традиционалистского толка. Во втором случае присутствует необходимость адаптации малых этносов и народов к жизни в среде доминирующего этноса, и не редко это связано с гротескным усилением этнонациональной компоненты и значительным усилением этногендерного режима, что приводит к усложнению этнополитической и конфессиональной ситуации, к продуцированию различных форм нетерпимости к проявлениям «Инаковости».

«Инаковость» или «Другость» может быть и бывает различной, в данном случае это и национальные, и конфессиональные, и политические, и экономические, и духовные, и прочие различия. Однако изначальное различие начинается по половому признаку и оно нас сопровождает всю жизнь. В процессе социализации, на основе первичных половых признаков, человек приобретает гендер, и далее вся жизненная история строится исходя из определенных гендерных установок. Современное общество поставило под сомнение незыблемость приобретенных гендерных стереотипов поведения, гендерная идентичность стала вариативной, соответственно возникла возможность гендерной репрезентации [1; 5].

Гендерная репрезентация как возможность трансформации первичных гендерных установок по-разному реализуется в среде различных этнических общностей. Для большого, доминирующего этноса, характерен либеральный этногендерный режим, когда этногендерная композиция вариативна, тяготеет к множественным трансформациям и ситуативным изменениям. Подобная вариативность связана с возможностью гендерных репрезентаций и множественного пересмотра своих идентификационных установок.

Малые этносы и народности не могут себе позволить подобного либерализма в связи с необходимостью сохранения себя как самобытной группы, соответственно реализуется традиционалистский этногендерный режим, способствующий сохранению этнических и гендерных устоев, обычаев. В данном случае гендерные репрезентации сводятся к минимуму, в радикальных случаях они находятся под категорическим запретом. Женщины и мужчины призваны неукоснительно следовать предзаданным гендерным ролям и соответственно поддерживать национальный конструктор.

Налицо несовпадение в едином территориальном пространстве этногендерных режимов. Гендерные репрезентации доминирующего этноса трактуются малыми этносами и народностями как распущенность, моральная вседозволенность и нравственный упадок. Негативное отношение к гендерным репрезентациям и поддержание всеми силами традиционного этногендерного режима со стороны малых народов в лучшем случае интрепрети-

руется титульным этносом как странность и консерватизм, в худшем ассоциируется с дикостью и родо-племенным варварством. Может ли это вести к росту напряженности между доминирующим этносом и отдельными этническими общностями?

Для ответа на этот вопрос обратим внимание на тот факт, что процесс реализации этногендерного режима для малых этносов примерно одинаков – традиционные гендерные роли являются объединяющим фактором даже для существенно отличающихся друг от друга этнонациональных и этноконфессиональных групп [1; 5]. И этногендерный режим доминирующего этноса противостоит не многочисленным отдельным этносам и конфессиям, а единому этногендерному режиму всей совокупности проживающих на этой же территории этносов, наций, конфессий. Говоря о Юге России, со ссылкой на официальные данные [4], можно заключить, что в Южном федеральном округе и в Северо-Кавказском федеральном округе (что нами и обозначается как Юг России) в совокупности проживает примерно равное количество представителей титульной нации – реализующей так называемый либеральный этногендерный режим (58,18 %) и всех других народностей и этносов – реализующих этногендерный традиционалистский режим (41,28 %). В ряде случаев разница в 17 % может быть существенна, однако в данном случае очевидно, что этногендерному режиму титульной нации весьма солидно противостоит этногендерный режим совокупности других этносов, который, как мы предположили, можно рассматривать как единое целое.

Взаимодействие и взаимовлияние этногендерных режимов титульной нации и малых народностей не одинаково на различных уровнях их осуществления. Стоит заметить, что этногендерные режимы реализуются на нескольких взаимосвязанных уровнях, это уровень семьи, социальной группы и региона (государства).

На уровне семьи происходит первичная этническая и гендерная социализация, устанавливается первичный этногендерный режим, который для человека будет играть доминирующую роль. Презентация гендера и нации происходит по устоявшимся в данном семейном кругу нормам и традициям. Поскольку семейная группа представляет собой

достаточно закрытое сообщество близких по духу, мировоззренческим установкам, исторической общности, традициям людей, то радикальные конфликты на этнической или гендерной почве происходят крайне редко. Причем при либеральном этногендерном режиме репрезентации могут происходить чаще и вызывать меньшее возмущение родственников, а в традиционалистском режиме репрезентации будут крайне редкими, но очень глубоко затрагивающими все родовое сообщество и крайне негативно осуждаемыми. Однако ни в том, ни в другом случае нарушение этногендерного режима на уровне семьи не приводит к сколь-либо масштабным социальным конфликтам на этнической или гендерной почве. Уровень семьи – это уровень межличностных отношений, и он остается закрытым, не позволяя выходить конфликту во внешний мир, оберегая тем самым семью от разрушения.

Следующий уровень реализации этногендерного режима – это уровень социальных групп. Социальные группы, как известно, различны и по численности, и по степени открытости (подверженности внешнему влиянию), и по мировоззренческим установкам, и т. п. Человек, попадая из мира семьи в мир социума, зачастую должен репрезентировать свой гендер, затушевывать яркие этнонациональные черты, иначе говоря, подвергать трансформациям сложившуюся этногендерную композицию личности именно под воздействием значимых Других. В традиционалистском этногендерном режиме какие-либо изменения гендера и нации воспринимаются крайне негативно. Для либерального режима репрезентации не только возможны, но иногда желательны и поощряемы. В одной социальной группе может происходить столкновение этих двух режимов, поскольку человек в современном мире является участником множества разнородных групп, сообществ и общностей. Иными словами, социальная группа является тем уровнем, на котором чаще всего и происходит столкновение различных этногендерных режимов и соответственно могут происходить национальные конфликты разных степеней масштабности.

Следует обратить внимание, что данный уровень – основной для формирования гражданского общества – той совокупности разнобразных форм социальной активности на-

селения, которая не обусловлена деятельностью государственных органов и которая воплощает действительный уровень самоорганизации социума. Это и актуализирует вопрос о развитии институтов гражданского общества, особенно если принять во внимание, что в рамках исследуемой проблемы именно этот уровень (социальной группы) представляется наиболее взрывоопасным, источником столкновения интересов и ценностей.

На региональном (государственном) уровне этногендерные режимы начинают вводиться в разряд идеологий, включаются механизмы правового, законодательного регулирования. Конфликты в зародыше подавляются системой предписанной толерантности. В ситуации этнокультурного разнообразия южнороссийского региона вряд ли логично предположение о возрастании напряжения между доминирующим этносом и отдельными этническими общностями, в связи с возрастанием числа гендерных репрезентаций. Противоречие между традиционным и либеральным этногендерным режимом можно рассматривать скорее как источник развития и совершенствования этногендерного режима в условиях глобализирующегося мира.

Итак, мы пришли к выводам, что гендер и нация образуют единую этногендерную композицию, которая в конкретных ситуациях экономического, политического и социокультурного контекста создает определенный этногендерный режим. Последний устанавливает границы и возможности допустимых гендерных репрезентаций. У больших и малых наций и народностей реализуются различные этногендерные режимы. Для титульной нации южнороссийского региона характерен либеральный этногендерный режим, который лояльно относится к проявлениям гендерных репрезентаций и в большом диапазоне принимает «Инаковость». Вся совокупность населяющих Юг России малых этносов и народов поддерживает традиционалистский этногендерный режим, стремящийся оградить «Своих» от всякого рода репрезентаций и в первую очередь от гендерных. Этногендерные режимы реализуются на трех уровнях: семьи, региона и социальных групп. Стабильность на первом уровне обеспечивается закрытостью семьи, на втором законодательно-идеологи-

ческой доктриной государства. Наиболее уязвим в плане возникновения конфликтов при столкновении различных этногендерных режимов уровень социальных групп, но он же представляет собой наиболее перспективную площадку для становления и развития гражданского общества. В социальных группах реализуется большая активность населения. Для представителей либерального этногендерного режима этнокультурное многообразие, составляющее социальную группу, становится фактором сдерживания гендерных репрезентаций, так как представители малых этносов негативно относятся к данному явлению. И наоборот, для воспитанных в традиционалистском ключе членство в группе означает возможность большей самореализации.

Таким образом, этнокультурное многообразие южнороссийского региона одновременно является и фактором распространения и фактором сдерживания гендерных репрезентаций, что, однако, не означает перехода к всеобщей гендерной унификации, а поддерживает самобытность этносов и народов его населяющих, и помогает им адаптироваться в сложной современной ситуации. Вопросы же, связанные с регулированием этногендерных режимов в социальных группах Юга России, требуют дальнейшего рассмотрения и анализа с целью минимизации конфликтных ситуаций.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 14-13-34028 «Особенности и причины гендерных репрезентаций в ситуации этнокультурного многообразия южнороссийского региона».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградова, Н. Л. Особенности гендерной репрезентации в многонациональном регионе / Н. Л. Виноградова, Е. Ю. Леонтьева // В мире научных открытий. – 2014. – № 11.3 (59). – С. 1361–1373.
2. О федеральной целевой программе «Укрепление единства российской нации и этнокуль-

турное развитие народов России (2014–2020 гг.)» : (с изм. на 25 марта 2015 г.). – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/499040473> (дата обращения: 22.04.2015). – Загл. с экрана.

3. Путин, В. В. О стратегии развития России до 2020 года / В. В. Путин // Вестник Российской нации. – 2008. – № 1. – С. 37–44.

4. Южный федеральный округ. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://ксерспнюфо.рф/index.php?id=11> (дата обращения: 13.05.2015). – Загл. с экрана.

5. Vinogradova, N. L. Rational and Non-Rational Reasons for Gender Representation / N. L. Vinogradova, E. Y. Leontyeva // World Applied Sciences Journal. – 2014. – № 31 (3). – P. 298–301.

6. Yuval-Davis, N. Gender and Nation / N. Yuval-Davis. – L. : SAGE Publ., 1997. – 155 p.

REFERENCES

1. Vinogradova N.L., Leontyeva E. Yu. Osobennosti gendernoy reprezentatsii v mnogonatsionalnom regione [The Features of Gender Representation in a Multinational Region]. *V mire nauchnykh otkrytiy*, 2014, no. 11.3 (59), pp. 1361-1373.

2. O federalnoy tselevoy programme "Ukrepenie edinstva rossiyskoy natsii i etnokulturnoe razvitie narodov Rossii (2014-2020 gody)" (s izmeneniyami na 25 marta 2015 goda) [On the Federal Target Program "Strengthening the Unity of the Russian Nation and Ethnocultural Development of the Russian peoples (2014-2020)" (With Amendments of March 25, 2015)]. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/499040473> (accessed April 22, 2015).

3. Putin V.V. O strategii razvitiya Rossii do 2020 goda [On the Strategy of Development of Russia Till 2020] *Vestnik Rossiyskoy natsii*, 2008, no. 1, pp. 37-44.

4. Yuzhnyy federalnyy okrug [South Federal District]. Available at: <http://ксерспнюфо.рф/index.php?id=11> (accessed May 13, 2015).

5. Vinogradova N.L., Leontyeva E. Yu. Rational and Non-Rational Reasons for Gender Representation. *World Applied Sciences Journal*, 2014, no. 31 (3), pp. 298-301.

6. Yuval-Davis N. *Gender and Nation*. London, SAGE Publ., 1997. 155 p.

**THE ETHNOCULTURAL DIVERSITY
OF THE SOUTHERN RUSSIAN REGION:
THE FACTOR OF EXPANSION OR CONTAINMENT
OF GENDER REPRESENTATIONS**

Vinogradova Nadezhda Leonidovna

Associate Professor, Professor Department of Philosophy,
Volgograd State Technical University
philos@vstu.ru
Prosp. Lenina, 28, 400005 Volgograd, Russian Federation

Leontyeva Elena Yuryevna

Professor, Head of Department of Philosophy,
Volgograd State Technical University
philos@vstu.ru
Prosp. Lenina, 28, 400005 Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article substantiates the hypothesis of the correlation between the formation of gender and nation, which together comprise a single ethnogender composition. In specific situations of economic, political and sociocultural contexts this composition creates a certain ethnogender mode. This mode sets the boundaries of permissible and possible gender representations. The authors analyze the ethnogender modes of large and small nations, and nationalities. The attention is focused on the analysis of the problem within the South of Russia as one of the most ethnically diverse regions, home to about 100 different nations, nationalities and ethnic groups. Obviously, each ethno-national community has its own cultural identity, traditions and ancestral rites, the national language and peculiarities of the socio-historical past.

The dominance of Russian ethnicity and Orthodox faiths is obvious throughout the whole territory of Russia. The titular nation of the southern Russian region is characterized by liberal ethnogender regime that is loyal to the manifestations of gender representations. The totality of small ethnic groups and peoples inhabiting the South of Russia supports the traditionalist ethnogender mode, seeking to veto the gender representation. The ethnogender regimes were studied at three levels: family, region and social groups. The authors conclude that the ethnocultural diversity of the Southern Russian region is both a factor of extension and a factor of deterrent of the gender representations spread, which, however, does not mean the transition to universal gender-unification, but supports the identity of ethnic groups and peoples inhabiting it, and helps them to adapt to the difficult contemporary situation.

Key words: Gender, representation, ethnocultural diversity, ethnogender mode, identity, Southern Russian region, nationality.